

УДК 338.23

DOI: 10.17223/19988648/56/5

Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин

ПАРАДОКСЫ ЭКСПОРТА ИНСТИТУТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ПРОСТРАНСТВО ЕАЭС¹

В статье исследуется проблематика импорта-реэкспорта институтов от ЕС к Евразийскому союзу (ЕАЭС) в сфере технического регулирования. Научной проблемой является выявление специфики институциональных изменений в сфере технического регулирования в условиях развития наднациональных механизмов в ЕАЭС и возможностей для экспорта российских практик технического регулирования. Целью публикации является характеристика новейших трендов в ЕАЭС в сфере технического регулирования и выявление возможностей для реэкспорта институтов. В статье используются методология институционального анализа, сравнительный, статистический метод. Проведено сравнение архитектуры институциональной среды технического регулирования в ЕС со схожими по функциям институтами в Евразийском союзе, показано, что существуют различия в целевых установках стейкхолдеров: при формировании общих принципов технического регулирования ключевыми являются не интересы потребителей, а объективированные характеристики продукта, которые, де-факто определяют государственные и «окологосударственные» некоммерческие организации. Продемонстрировано, что формирование общей для стран ЕАЭС системы технического регулирования обнажило глубинные институциональные проблемы импорта и реэкспорта институтов в ЕАЭС, что приводит к сложностям в экспорте продовольственных товаров российских производителей. Отмечено, что внедрение в ходе реализации проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» новых институтов частично способствовало реализации идеи о повышении качества продукции и информационной прозрачности потребительского рынка. На основании исследования путей трансформации институтов технического регулирования предложены рекомендации по изменению их содержания в сфере регламентации качества потребительских благ.

Ключевые слова: техническое регулирование, экспорт институтов, цифровая трансформация, мониторинг качества потребительских благ

Трансформации институтов технического регулирования в ЕАЭС

Современная система технического регулирования предполагает наличие инновационных решений в области институционального проектирования стандартов качества [1], которые должны отталкиваться не только от

---

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

текущих интересов бизнеса и общества, но также призваны обеспечить долгосрочные цели национального развития. Данное обстоятельство актуализирует вопрос об участии государства в процессах стандартизации и регламентации качества. Значимость данного вопроса еще усиливается в рамках участия страны в интеграционных объединениях, в частности ЕАЭС [2]. Так, Совет Евразийской экономической комиссии принял решение о начале реализации проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза». Основная его цель – «цифровизация процессов формирования обязательных требований к продукции, разработки техрегламентов и перечней международных и региональных стандартов в сфере технического регулирования»¹. Конечным результатом данного проекта является создание на базе цифровой платформы экосистемы, обеспечивающей интеграцию национальных цифровых сервисов в области технического регулирования в интересах участников рынка. Проект будет реализован до середины 2024 г. в пять этапов: развертывание работ, разработка системы сервисов, наполнение, ввод наднационального компонента и сервисов в промышленную эксплуатацию. По состоянию на август 2021 г. функционал раздела на сайте Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), посвященный вопросам цифрового технического регулирования, находится в стадии «начального информирования», но содержит принципиальную схему техрегулирования в ЕАЭС².

Однако, учитывая особенности трансформации системы технического регулирования в ЕАЭС и России в частности, возникают вопросы касательно полноты учета интересов ключевых стейкхолдеров и нахождения конвенционального институционального решения в области технического регулирования.

С позиции институциональной теории, определение координирующей роли государства во многом является результатом согласования интересов социальных групп [3] или участников рынка. При этом как в России, так и в рамках ЕАЭС роль государства в условиях отсутствия общественной конвенции [4] может являться избыточной и исходить из частного интереса групп давления. Базовой предпосылкой для подобного влияния послужил характер импорта институтов технического регулирования, когда не были учтены действующие в Европейском союзе (ЕС) механизмы выработки правил и принуждения к их исполнению. Стоит отметить значимость для нашей проблематики «сравнительной оценки интеграционных механизмов ЕАЭС и Европейского союза (ЕС) как одного из наиболее сильных и глубоких по своему характеру интеграционных соглашений в мире» [5, с. 31].

Функционирующая на территории ЕС система позволяет соблюсти интересы потребителей через общие принципы, устанавливающие требова-

---

¹ URL: <https://eec.eaunion.org/news/eaes-zapuskaet-proekt-%C2%ABtsifrovoe-tehnicheskoe-regulirovanie-%C2%BB/> (дата обращения: 11.08.2021).

² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/deptexreg/metod/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.08.2021).

ния как для операторов рынка, так и положения для государственных органов (рис. 1).

Рис. 1. Архитектура институциональной среды технического регулирования в ЕС.
Составлено авторами

В странах ЕАЭС главенствующую роль при формировании общих принципов занимают не интересы потребителей, а объективированные характеристики продукта, которые де-факто определяют государственные и «окологосударственные» некоммерческие организации. В связи с этим отмечается невозможность реализации принятой в ЕС обобщенной схемы контроля качества при участии рефератных аккредитованных лабораторий и субъектов хозяйствования.

В ЕАЭС функционал по обеспечению контроля и гарантирования качества повсеместно реализован через систему государственного надзора, регистрации предприятий и введения многочисленных реестров и перечней, которые зачастую имеют характер административного барьера [6]. Вопросы эффективности замещения общественной конвенции и системы социального контроля на микроуровне государственным гарантом подвергают риску инициативу цифрового технического регулирования ЕАЭС, так как созданные агрегаторы не смогут облегчить допуск производителей в определенный реестр и не снизят транзакционные издержки производителей.

Институты технического регулирования в странах-членах ЕАЭС

Идея формирования общей системы стандартизации и сертификации на пространстве ЕАЭС, согласно мнению ученых, претендует на очередной мегапроект [7], позволяющий ускорить интеграцию стран. Однако при детальном рассмотрении особенностей институциональной среды в части технического регулирования становится очевидным, что страны постсоветского блока реализуют разные сценарии развития системы стандартизации и сертификации. Если в Белоруссии действует дуальная система, совмещающая «социалистические» практики контроля в форме установления государственных стандартов и уголовной ответственности в случае их невыполнения многочисленными унитарными предприятиями, то в Казахстане качество определялось рынком. Россия на данном фоне реализует гибридный проект, в котором номинально существует «западная» система, но фактически реализуется жесткое ручное регулирование. В его рамках проверки качества продукции со стороны государственных структур дополняются «мониторингом», который позволяет формально избегать ограничения по проверкам бизнеса исходя из требований Закона № 294-ФЗ. В этой связи мониторинг стал инструментом «мягкого рыночного воздействия». Так, в Красноярском крае «итоги мониторинга подводятся в форме публичного обсуждения экспертами результатов инструментальных исследований и органолептических оценок в присутствии представителей СМИ и общественных организаций» [8, с. 47]. Целью такого «мягкого воздействия» является рост информационной прозрачности объектов потребительского выбора: «предполагалось, что достоверная информация о качестве продуктов будет способствовать формированию потребительских предпочтений, выдавливанию с рынка недобросовестных производителей и тем самым помогать созданию нормальной конкуренции. Вместе с тем эффективность определяется влиянием на потребительские предпочтения покупателей и может быть очень высокой. Оценки Красноярского ЦСМ и отзывы предприятий показали, что однажды опубликованная информация о некачественных товарных позициях приводит к снижению уровня продаж на десятки процентов (в среднем до 30)» [8, с. 49].

Следует отметить, что, несмотря на снижения частоты проверок МТУ Росстандарт, существенным образом возросла сумма наложенных административных штрафов (рис. 2). Так, без учета коронакризисного 2020 г., суммарный объем штрафов по административным делам в сфере нарушения законодательства о техническом регулировании увеличился на 47,7 млн руб. (+30,2 %) к 2017 г., тогда как частота проверок сократилась на 1,3 тыс. (-14,3 %). Кроме того, доля правонарушений со стороны юридических лиц сократилась на 41,2 п и составила 28,2 % от общего числа проверок. Сумма собираемых штрафов по административным делам в большей степени коррелирует с частотой проверок, чем с удельным весом выявленных правонарушений.

Рис. 2. Динамика проверок Росстандарта в 2016–2020 гг.

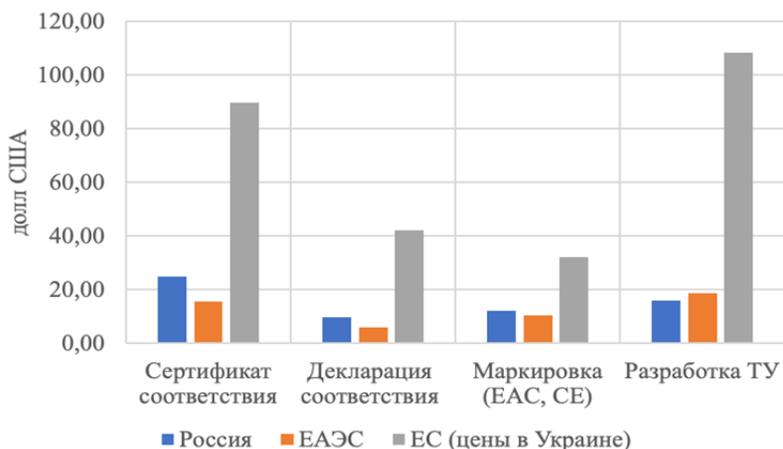
Составлено авторами на основе аналитических отчетов Росстандарта (<https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/statecontrol/resultscontrol>)

Росстандарт, являясь одним из основных органов государственного надзора Российской Федерации в сфере технического регулирования, за последние пять лет декларировал сокращение средней нагрузки на 1 работника, непосредственно выполняющего функции по контролю (надзору), на 7 проверок в отчетный период. При этом в качестве критерия эффективности ведомства продолжают оставаться средний размер наложенного штрафа и доля проверок, по итогам которых по фактам выявленных нарушений наложены административные санкции. Именно поэтому отмечается прямая корреляция между количеством проверок и размером суммы взысканий: при увеличении количества проверок сокращается средний размер штрафа, но растет доля выявленных правонарушений и нагрузка на 1 работника; при снижении количества проверок увеличивается средний размер наложенного штрафа, но сокращается доля правонарушений и нагрузка на 1 работника. Таким образом, развитие институтов технического регулирования в России, с точки зрения формальных параметров принуждения к выполнению правил, не является в строгом смысле случайным процессом. Детерминированность фактов оппортунизма в России также подтверждается алгоритмом принятия правил. Согласно отчетам ведомства, с 2016 по 2020 г. не установлено ни одного случая коррупциогенности в разработанных нормативно-правовых актах, включая административные регламенты, порядки экспертизы, перечни и технические регламенты.

Опыт европейских стран демонстрирует, что в условиях свободного глобального рынка детерминированный порядок проверок невозможен [9]. По причине отсутствия централизованной системы регламентации и контроля качества затрудняется оценка величины санкций, накладываемых на производителей в результате действия регламентов. В развитых странах контроль (надзор) осуществляется рефератными лабораториями и саморегулирующимися организациями, выступающими операторами рынка и га-

рантирующими потребителю качество и безопасность продукции. Государство отвечает лишь за аккредитацию лабораторий и согласование некоммерческого контроля.

Все это в какой-то степени затрудняет возможность оценки эффективности функционирования настоящей институциональной системы технического регулирования, действующей в России и в других странах ЕАЭС. Однако все же можно найти косвенный индикатор, демонстрирующий величину транзакционных издержек для хозяйствующего субъекта от функционирования регламентов в ЕАЭС и ЕС. Таковым выступает рыночная стоимость услуг юридических организаций, оказывающих услуги фирмам при оформлении необходимых документов и для получения сертификата качества (рис. 3).

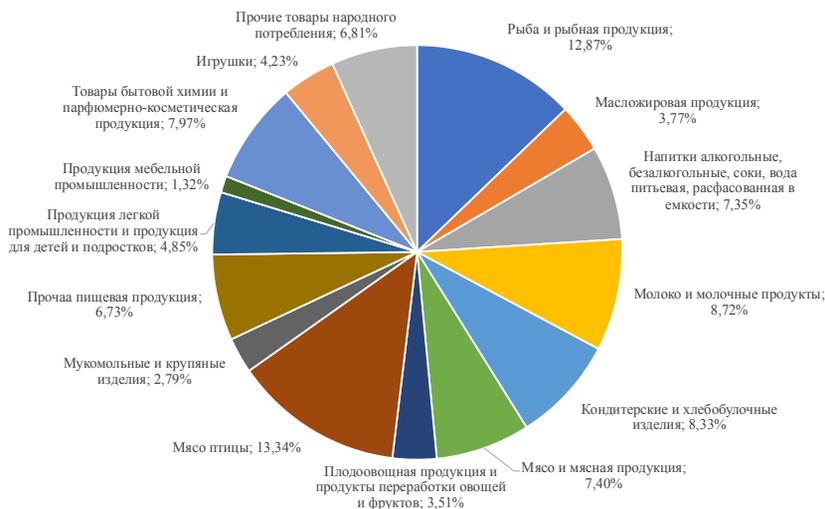

Рис. 3. Стоимость за услуги по сертификации в России, ЕАЭС и ЕС, долл. США.
Составлено авторами на основе открытых данных компаний

Очевидно, что цена за услуги сертификации в России гораздо ниже, чем в ЕС. Однако это также объясняется качеством услуг: в Европе в стоимость услуг включено полное и комплексное сопровождение компании (включая лабораторные испытания), тогда как в России и ЕАЭС данный вид услуг ограничивается выдачей документа. Иными словами, под услугой сертификации в развитых странах подразумевается реальное доведение продукта до соответствия требованиям и ожиданиям рынка, на постсоветском пространстве – формальное заключение для прохождения контрольных процедур. При этом создание ЕАЭС и перевод функций по регламентации качества на Евразийскую экономическую комиссию существенным образом простимулировал спрос на маркировку и сертификаты техрегламентов (ТР) и техстандартов (ТС) в России, Белоруссии и Казахстане.

Реакция стран-членов ЕАЭС на поток номинально декларированных товаров из соседних государств была различной. Так, в Казахстане был сформирован Комитет санитарно-эпидемиологического контроля Мини-

стерства здравоохранения. Уполномоченный осуществлять надзорную деятельность в сфере технического регулирования орган РК ведет реестр несоответствующей продукции, в который входят 16 групп товаров различного производства. Интересным является тот факт, что в реестре несоответствующей продукции РК за 2019–2020 гг. указано 3 899 наименований российского производства против 2 020 китайского (рис. 4). В валовом итоге российская продукция составляет 33 % перечня; казахстанская – 16 %; кыргызстанская – 3 %; белорусская – 2 %.

Рис. 4. Структура российской продукции в реестре несоответствующей продукции РК (2019–2020 гг.)

Составлено авторами на основе данных Комитета санитарно-эпидемиологического контроля Министерства здравоохранения РК (<http://reestr-np.kz/rus/?scode=&productid=00&countryid=002>)

Основными причинами включения российской продукции в реестр несоответствующей продукции РК являются:

- отсутствие маркировки на национальном языке – 2 358 случаев;
- несоответствие маркировке – 119 случаев;
- несоответствие по физико-химическим показателям – 205 случаев;
- несоответствие показателям безопасности – 97 случаев;
- отсутствие наименования изготовителя – 27 случаев;
- истек срок годности – 39 случаев.

Несмотря на преобладание «языковых» барьеров среди основных причин, факт проблем с российской продукцией на ближайшем экспортном рынке очевиден. Среди фирм, предлагающих несоответствующий товар, отмечается ООО «ТК «Мираторг», АО «Черкизово», АО ГК «ЭФКО», ООО «Ресурс», «Маревен Фуд Сэнтрал», ООО «Русский рыбный мир» и многие другие.

Таким образом, формирование общей для стран системы технического регулирования обнажило более глубинные институциональные проблемы импорта и реэкспорта институтов в пространстве ЕАЭС. Республика Казахстан, реализовав на своей территории прописанную в законах и соглашениях ЕАЭС систему, фактически обеспечила независимую оценку качества продукции лидеров российского рынка, которые произведены в гибридной и малоэффективной системе выборочных проверок и формальной отчетности. Кроме того, само лидерство данных российских компаний во многом обусловлено секционными ограничениями и реализуемой на территории РФ политикой импортозамещения [10].

Цифровая повестка ЕАЭС и проблематика ее реализации в сфере технического регулирования в контексте проблематики экспорта институтов

Как уже отмечалось, проект «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» фактически уже реализуется. В сфере технического регулирования внедрены новые институты, которые должны реализовать идею о повышении качества продукции и информационной прозрачности потребительского рынка как в рамках трансграничных транзакций товаров, так и единых требований в сфере техрегулирования на всем пространстве ЕАЭС. Нормативной базой является «Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе», подписанное в Алматы, 2 февраля 2018 г. и ратифицированное в России Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 281-ФЗ.

Первое новшество относится к внедрению с 2021 г. информации о соответствии товара стандартам безопасности на основе характерных для маркировки товаров штрих-кодов. Речь идет о внедрении системы GS1, которая в мировой практике является наиболее широко используемой системой стандартизации учета и штрихового кодирования товаров. Идентификационным номером GS1 является код GTIN (Global Trade Item Number), предназначенный для единичной или групповой упаковки товара, который наносится в виде штрихового кода на упаковку товара, обеспечивая уникальную идентификацию товара. Он позволяет распознать штрих-код из любой точки мира, благодаря чему появилась возможность осуществлять контроль за движением товара на протяжении его жизненного цикла. Другим идентификационным номером GS1 является код GLN (Global Location Number), предназначенный для идентификации предприятий по изготовлению продукции или мест нахождения в цепях поставок.

Требование о необходимости наличия кодов GLN и GTIN в России закреплено в приказе Минэкономразвития РФ от 31 июля 2020 г. № 478, который вступил в силу 1 января 2021 г.¹ Однако, как отмечает Е. Сысоева,

---

¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 478 «Об утверждении порядка регистрации деклараций о соответ-

«в связи с большим количеством обращений о неготовности бизнес-сообщества к этим требованиям приказом Минэкономразвития РФ от 30 декабря 2020 года № 877 закреплён переходный период по введению в действие положений нового порядка регистрации деклараций в части указания кодов GLN и GTIN» [11, с. 385]. До 1 июля 2021 г. сведения об этих кодах указываются при их наличии. Стоит отметить, что функционал специализированного электронного сервиса Федеральной государственной информационной системы Росаккредитации уже сейчас предусматривает возможность внесения кодов GLN и GTIN.

Другое направление связано с внедрением цифровых технологий на рынке ЕАЭС. Одной из лучших практик, внедрённой в России и потенциально экспортируемой на пространство ЕАЭС является система проверки сертификатов и деклараций с помощью цифровых сервисов Росаккредитации. Она регламентируется как российскими постановлениями¹, так и документами ЕАЭС². По данным Росаккредитации, «в его реестры ежедневно поступает более трех тысяч деклараций и около 150 новых сертификатов, оформленных аккредитованными органами по сертификации, а аккредитованные испытательные лаборатории ежедневно отчитываются более чем о 40 тысячах проведенных испытаний, которые также вносятся в реестры» [12, с. 20]. Через специальную лендинг-страницу на сайте Росаккредитации как производители, так и потребители могут получить информацию о подлинности деклараций и сертификатов, о безопасности приобретаемых товаров. Лендинг-страница также содержит информацию о порядке сертификации и декларирования продукции в РФ. Кроме того, функционал портала Росаккредитации позволяет проверить сертификат или декларацию через QR-код, что значительно экономит время проверки качества продукции как организациям в сфере торговли, так и конечным потребителям.

Другим направлением для потенциального экспорта институтов является внедрение независимых систем проверки, в частности, системы национальной цифровой маркировки «Честный знак» и аналогичных систем. Действующая в ЕАЭС маркировка товаров средствами идентификации не

ствии и порядка формирования и ведения единого реестра зарегистрированных деклараций о соответствии, предоставления содержащих в указанных реестрах сведений». URL: <https://fsa.gov.ru/documents/11876/> (дата обращения: 11.08.2021).

¹ Приказ Минэкономразвития России от 30 декабря 2020 г. № 877 «Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра испытательных лабораторий (центров), соответствующих принципам надлежащей лабораторной практики, соответствующим принципам надлежащей лабораторной практики Организации экономического сотрудничества и развития, о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 4 апреля 2014 г. № 203 и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России по вопросам аккредитации в национальной системе аккредитации». URL: <https://fsa.gov.ru/documents/12301/> (дата обращения: 11.08.2021).

² Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе (Алматы, 02.02.2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/556691559/> (дата обращения: 18.08.2021).

является цифровой маркировкой, идентичной российской цифровой маркировке «Честный знак». В частности, система «Честный знак» создана центром развития перспективных технологий для реализации глобальных проектов в цифровой экономике. Как постулируется на сайте организации «честныйзнак.рф», система сочетает цифровое решение маркировки товаров и инструмент общественного контроля. При этом вхождение производителей в систему является добровольным, предполагается, что благодаря этому возможно повышение доверия потребителей и контрагентов к продукции участников системы.

Функционирование системы «Честный знак» осуществляется через присвоение каждому товару уникального кода (DataMatrix код), гарантирующего подлинность и качество товара. Данный цифровой код наносится на упаковку товара производителем или, в случае трансграничного перемещения товаров, импортер наносит цифровой код на товар. Благодаря цифровому коду можно отследить весь путь продвижения товара от производителя до потребителя, что позволяет не только избежать фальсификации, но и исключить возможность повторного вывода на рынок товаров с истекшим сроком годности.

С 1 июля 2020 г. цифровая маркировка «Честный знак» стала обязательной для табачной продукции, обуви и лекарственных средств. Производители этой продукции должны наносить на каждый товар уникальный DataMatrix код и регистрировать продукцию в системе «Честный знак». В дальнейшем маркировка «Честный знак» будет обязательной для целого ряда товаров, в частности, фотоаппаратов, шуб, шин и покрышек, товаров легкой промышленности, духов и туалетной воды. Однако расширение перечня товаров затрудняется на практике в связи с пандемийной обстановкой и недостаточной готовностью производителей к внедрению системы в полном объеме.

Вместо этого в пространстве ЕАЭС стал реализовываться альтернативный сценарий принуждения к соответствию через инструменты таможенного регулирования.

К первой группе мер «принуждения к исполнению» относится комплекс мер по сертификации (ДС/СС) при ввозе импортных товаров (в том числе из ЕАЭС) для перепродажи и для собственной переработки. Данное решение должно отменить нормы решения Коллегии ЕЭК от 25.12.2012 г. и в случае принятия устанавливает прямой запрет на реализацию товаров, которые ввезены на территорию России с целью переработки либо для собственных нужд по соответствующим международным сертификатам. Иными словами, при ввозе запасных частей и комплектующих для бытовой техники, автомобилей и прочих предметов потребления со сложными конструктивными элементами и их реализации на территории РФ потребуются получение специального сертификата на территории России, что требует экспертизу данных товаров и их «ресертификацию». В свою очередь, для целей переработки пока достаточно зарубежного сертификата.

До принятия данного постановления использование таможенных запретов в качестве инструмента технического регулирования обкатывается в

рамках Распоряжения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 сентября 2021 г. № 143 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии “О Порядке ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия на таможенной территории Евразийского экономического союза”». Первой отраслью, которая столкнулась со сложностями новаций в сфере технического регулирования через таможенные инструменты, стала розничная продажа алкоголя. Крупные дистрибьютеры алкогольной продукции итальянского и французского производства разрывают контракты на поставку ликеров, шампанских и крепленых вин на территорию РФ. Предтечей этому является кейс об ограничении ввоза Кампари. Особенностью их случая является фактическая невозможность в короткие сроки сертифицировать вермут для прохождения таможенного барьера в силу неполноты Технического регламента об алкогольной продукции, а также отсутствия квалифицированных экспертных лабораторий для проведения тестирования.

Примечательно, если раньше система технического регулирования в силу своей невнятности на ранних стадиях своего развития скорее дополняла внешнеторговую «войну», выступая крайним и сильнодействующим инструментом секционной борьбы. На сегодняшний же день, закрепившись на уровне ЕАЭС, система технического регулирования начинает использовать таможенное регулирование для достижения своих функций по доведению до соответствия. Однако реализация этого процесса происходит не по пути ЕС, где для повышения товарооборота между странами Восточной и Западной Европы техническое регулирование снижало таможенные барьеры посредством создания исключительных мер и процедур движения товаров «местного» производства. Наоборот, в ЕАЭС и в России происходит ужесточение и унификация правил, результатом чего является сокращение объемов торговли и как следствие товарного разнообразия.

Выводы и рекомендации

Из этого следует вывод о непоследовательности направлений трансформации системы технического регулирования в России. С одной стороны, следует констатировать сокращение объема требований и величины проверок в России, что приводит к выявлению проблем с качеством товаров российских товаропроизводителей на рынках ЕАЭС. Номинально выстроенная система верифицируется элементами развитой системы ЕС, но существенным образом отличается в зависимости от стран-членов. Так, в России институты технического регулирования характеризуются формальностью и фрагментированностью, что создает рынок услуг в области сертификации и декларирования соответствия. Следует отметить, что в развитых странах с рыночной экономикой наличие такого рынка является естественным следствием сложности процедур контроля качества. Однако в России, в отличие от ЕС, услуги по оценке и повышению качества товаров

не направлены на утверждение реального качества, делая акцент на бумажном соответствии. В результате многие из функций системы технического регулирования в России носят декларативный характер и в случае реальной оценки качества выявляют более чем существенные объемы несоответствий. Примером тому является опыт Казахстана по мониторингу качества потребительских благ, в рамках которого российские производители занимают статус лидеров по уровню оппортунизма.

С другой стороны, в ЕАЭС происходит ужесточение процедур контроля качества в рамках проектов по цифровой трансформации системы технического регулирования. Вводятся дополнительные элементы учета товара GLN и GTIN, а также маркировки «Честный знак». Несмотря на цель сократить уровень неопределенности и сбалансировать механизмы обеспечения качества, подобные новшества зачастую являются барьером входа на рынок новых участников. В частности, наиболее уязвимыми к цифровым новациям стали импортеры товаров на территорию России.

Во многом противоречия в трансформации системы технического регулирования обусловлены децентрализованным характером принимаемых мер: если нормы и правила технического регулирования принимаются в форме решений ЕЭК, то инструменты контроля принимаются и реализуются в российском случае Минэкономразвития, Минпромом, Росстандартом, Роскачеством и т.п. Единого субъекта, осуществляющего централизованный контроль над качеством благ и администрирующего систему, в пространстве ЕАЭС нет.

Таким образом, на основании исследования путей трансформации институтов технического регулирования отметим следующие рекомендации по изменению их содержания в сфере регламентации качества потребительских благ с целью их последующего экспорта.

Во-первых, представляется целесообразным расширить полномочия ЕЭК посредством наделения соответствующей коллегии по техническому регулированию полномочиями по оценке деятельности профильных органов власти, ответственных за деятельность по оценке качества, на уровне стран-участников ЕАЭС.

Во-вторых, для повышения эффективности проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» целесообразно разработать единую систему знаков качества на территории ЕАЭС, а также систему аккредитации компаний, способных реализовывать декларацию соответствия.

Литература

1. Капогузов Е.А., Чутин Р.И. Новые тренды институциональных изменений системы технического регулирования качества потребительских благ в ЕАЭС // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 235–248.

2. Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 11–30.

3. Becker G. Public Policies, Pressure Groups, and Dead-Weight Costs // Journal of Public Economics. 1985. Vol. 28. P. 329–347.

4. Эмар-Дюверне Ф. Конвенции качества и множественность форм координации // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 104–116.
5. Ковалев В.Е., Сёмин А.Н. Резильентность агропродовольственного рынка России в условиях таможенных дисбалансов евразийской интеграции // Journal of New Economy. 2021. Т. 22, № 3. С. 28–43.
6. Тамбовцев В.Л. Теории государственного регулирования экономики. М. : ИН-ФРА-М, 2010. 158 с.
7. Нурашев Т.Б. Инструменты технического регулирования и стандартизации помогут оцифровать союзную экономику // Стандарты и качество. 2019. № 3. С. 64–65.
8. Моргунов В.Н., Мельник Т.В. Мониторинг качества товаров как эффективный метод контроля потребительской продукции // Контроль качества продукции. 2018. № 11. С. 47–52.
9. Meijer F., Visscher H. Quality control of constructions: European trends and developments // International Journal of Law in the Built Environment. 2017. Vol. 9 (2). P. 143–161.
10. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Импортзамещение в мясной промышленности: экспансия за доллар // ЭКО. 2020. № 11. С. 104–123.
11. Сысоева Е.А. Цифровые технологии для идентификации качественных и безопасных товаров на потребительском рынке // Цифровая экономика, умные инновации и технологии : сборник трудов Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб., 2021. С. 384–387.
12. Сысоева Е.А., Рожкова Т.А. Цифровые технологии – современный инструмент обеспечения качества и безопасности продукции на потребительском рынке // Качество и жизнь. 2021. № 2 (30). С. 19–25.

Paradoxes of the Export of Technical Regulation Institutions to the EAEU Space

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 67–80. DOI: 10.17223/19988648/56/5

Evgeniy A. Kapoguzov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: egenk@mail.ru

Roman I. Chupin, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roman-chupin@ya.ru

Keywords: technical regulation, export of institutions, digital transformation, monitoring of consumer goods quality.

The article was prepared based on the results of research on the topic “Russia’s Participation in the Export and Import of Institutions” carried out at the expense of budgetary funds for the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

The article examines the issues of the import and re-export of technical regulation institutions from the EU to the Eurasian Economic Union (EAEU). The research problem is to identify the specifics of institutional changes in technical regulation in the context of the development of supranational mechanisms in the EAEU and opportunities for the export of Russian technical regulation practices. The article aims to characterize the latest trends in technical regulation in the EAEU and to identify opportunities for the re-export of institutions. The article uses the methodology of institutional analysis, comparative and statistical methods. The architecture of the institutional environment of technical regulation in the EU with institutions similar in function in the EAEU is compared. Differences are observed in the target attitudes of stakeholders: in the formation of general principles of technical regulation, it is not consumer interests that are key, but the product’s objectified characteristics, which de facto are determined by state and non-profit organizations. The article shows that the formation of a technical regulation system common for the EAEU countries exposed the deep institutional problems of the import and re-export of institutions in the EAEU, which leads to

difficulties in the export of food products from Russian producers. The introduction of new institutions under the project “Digital Technical Regulation of the Eurasian Economic Union” partially contributed to the implementation of the idea of improving product quality and consumer market information transparency, in particular, the introduction of digital marking. Based on the study of the ways of the transformation of technical regulation institutions, some recommendations are made for changing the technical regulation of consumer goods quality.

References

1. Kapoguzov, E.A. & Chupin, R.I. (2021) New trends of institutional changes in the system of technical regulation of the consumer goods quality in EAEU. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Russian Journal of Economics and Law*. 2 (15). pp. 235–248. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.2.235-248
2. Glaz'ev, S.Yu. (2020) On the Strategic Directions of the EEU Development. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 1. pp. 11–30. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30
3. Becker, G. (1985) Public Policies, Pressure Groups, and Dead-Weight Costs. *Journal of Public Economics*. 28. pp. 329–347. DOI: 10.1016/0047-2727(85)90063-5
4. Emar-Dyuverne, F. (1997) Konventsii kachestva i mnozhestvennost' form koordinatsii [Quality conventions and multiple forms of coordination]. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 104–116.
5. Kovalev, V.E. & Semin, A.N. (2021) Resilience of Russia's agri-food market under customs imbalances of the Eurasian integration. *Journal of New Economy*. 3 (22). pp. 28–43. (In Russian). DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-3-2
6. Tambovtsev, V.L. (2010) *Teorii gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki* [Theories of State Regulation of the Economy]. Moscow: INFRA-M.
7. Nurashev, T.B. (2019) Technical regulation and standardization will help to digitize the EAEU economy. *Standarty i kachestvo – Standards and Quality*. 3. pp. 64–65. (In Russian).
8. Morgun, V.N. & Mel'nik, T.V. (2018) Monitoring the quality of goods as an effective method of control of consumer products. *Kontrol' kachestva produktsii – Production Quality Control*. 11. pp. 47–52. (In Russian).
9. Meijer, F. & Visscher, H. (2017) Quality control of constructions: European trends and developments. *International Journal of Law in the Built Environment*. 9 (2). pp. 143–161.
10. Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I. & Kharlamova, M.S. (2020) Import substitution in the meat industry: expansion for one dollar. *EKO – ECO*. 11. pp. 104–123. (In Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-104-123
11. Sysoeva, E.A. (2021) [Digital technologies for identification of quality and safe goods in the consumer market]. *Tsifrovaya ekonomika, umnye innovatsii i tekhnologii* [Digital Economy, Smart Innovations and Technology]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saint Petersburg. 18–20 April 2021. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS. pp. 384–387. (In Russian). DOI: 10.18720/IEP/2021.1/121
12. Sysoeva, E.A. & Rozhkova, T.A. (2021) Digital technology as a modern tool ensuring the quality and safety of products in the consumer market. *Kachestvo i zhizn' – Quality and Life*. 2 (30). pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-19-25